

НАТАЛЬЯ КУДРЯВЦЕВА

Рациональность справедливости: поиск рациональных оснований справедливого общественного устройства

Введение

Когда мы говорим о справедливости как об одной из четырех главных добродетелей классической моральной философии¹, мы обычно подразумеваем некоторое свойство индивидов, даже если предполагаем, что истолкованная таким образом справедливость имеет непосредственное отношение к социальной справедливости. Вполне можно согласиться с тем, что индивидуализированная справедливость находит выражение в ряде универсальных принципов, которыми индивиды руководствуются в своих суждениях о том, что является правильным, а что нет. Сложнее дело обстоит с определением социальной справедливости, которой, несмотря на множество посвященных ей книг и трактатов, все еще позволяется витать в воздухе так, будто распознать ее в случае появления под силу абсолютно всем.

Хотя идея социальной справедливости, основанной на общественном договоре, известна еще со времен античности, возникновение современного понятия социальной справедливости в основном относится к XIX в.² и совпадает с двумя другими масштабными перемена-

¹ Напомним, что, согласно этической концепции Платона, остальными тремя добродетелями (как индивидов, так и государства) выступают мудрость, мужество и умеренность.

² Интересно, что сам термин «социальная справедливость» впервые появился в работе католического мыслителя, члена ордена иезуитов Луиджи Тапарелли (1793–1862) «Теоретический трактат о природном праве, основанном на фактах», опубликованной в 1843 г. (см. *Behr T. Luigi Taparelli D'Azeglio, S.J. (1793-1862) and the*

ми в человеческом сознании: «смертью Бога» и развитием идеала централизованно планируемой и управляемой экономики. Когда на смену вере в Бога приходит вера во всемогущество Разума, именно ему приписывается способность создать справедливое общественное устройство. Вместе с тем в сферу социальной справедливости начинают входить вопросы справедливого распределения экономических ресурсов общества между его членами. В результате социальная справедливость теряет свою преимущественно этическую окраску и приписывается уже не индивидам, но социальным институтам. Справедливость как добродетель индивидов объявляется производной от справедливости как социальной добродетели, определяемой посредством некоторых общезначимых принципов справедливости. Таким образом, проблема определения социальной справедливости сводится к установлению некоторых принципов, которые могли бы служить в качестве универсальных регуляторов общественного устройства.

1. Рациональность как основание социальной справедливости

Современная аналитическая политическая философия, в русле которой мы предполагаем рассмотреть проблему социальной справедливости, не только располагает определенным видением данной проблемы, но и опирается на особый подход к построению философского рассуждения в целом, демонстрируя, так сказать, особый стиль философствования. В соответствии с этим, первостепенное значение для нас будут иметь использование средств рациональной аргументации, а также стремление к четкости и ясности доводов, приводимых в пользу тех или иных утверждений.

Таким образом, на наш взгляд, можно выделить две ключевые предпосылки успешного разрешения проблемы определения социальной справедливости: во-первых, это стремление к максимально возможной четкости при формулировке цели и постановке исследуемой проблемы, и, во-вторых, выбор адекватных теоретических средств, необходимых для достижения поставленной цели. Формулируя нашу цель как исследование возможностей построения универсальной концепции социальной справедливости чисто рациональными средствами, не лишне еще до выбора средств ее достижения удостовериться в том, является ли таким образом сформулированная цель вообще достижимой. Иначе говоря, прежде всего необходимо ответить на вопрос, что в рамках аналитического подхода может быть названо социальной справедливостью и каковы те общие принципы, которым она должна соответствовать?

Оставив в стороне отвлеченные этические размышления о справедливости и общечеловеческом благе, занимавшие философов на протя-

жении более чем двух с половиной тысяч лет, не будем представлять искомые принципы справедливости в виде неких «природных законов» или моральных аксиом. Хотя нашей основной задачей является поиск универсальной концепции справедливости – такой, которая могла бы быть принята всеми членами общества, мы все же не будем определять социальную справедливость как некое общественное благо, но попытаемся выделить и в самом общем виде охарактеризовать ее необходимые составляющие, иными словами, попытаемся очертить своего рода контуры социальной справедливости.

Следует иметь в виду, что в случае справедливости, мы вряд ли имеем дело с чем-то, что обладает характером всеобщности и необходимости. В каждом конкретном случае могут иметь место различные оценочные суждения по поводу того или иного действия, которое может быть признано как справедливым, так и несправедливым, либо вообще не подпадающим под данную характеристику. Иначе говоря, справедливость во многом выступает как субъективное понятие, связанное в первую очередь с теми или иными интуитивными предположениями, личными интересами, влиянием общественного мнения и т. п. Значит ли это, что построение универсальной концепции социальной справедливости заранее обречено на неудачу? На наш взгляд, такой вывод был бы несколько поспешным. Скорее это указывает на необходимость поиска такого источника справедливости, который был бы одинаково доступен всем человеческим индивидам и позволял бы при соблюдении определенных условий прийти к одним и тем же выводам.

Предположим, что в качестве такого источника может служить рациональность, понимаемая в самом общем смысле как характеристика, присущая (в нормальных обстоятельствах) подавляющему большинству индивидов и позволяющая осуществить обоснование некоторых моральных принципов на базе объективных критериев в рамках четко определенных социальных условий. Понимание рациональности может быть самым различным, и в дальнейшем изложении мы подробнее остановимся на этом вопросе. Пока что будет достаточно принять в качестве минимальных так называемые эпистемические критерии рациональности, к которым обычно относят требования непротиворечивости убеждений индивида и замкнутости этих убеждений по отношению логического следования³.

Выведенные таким образом моральные принципы и будут, по нашему мнению, определяться как универсальные принципы справедливого общественного устройства. Говоря о моральных принципах, мы, очевидно, подразумеваем некоторые установки человеческого поведения, поддающиеся осмыслению и реализации. Конечно же, не все из таких установок могут быть охарактеризованы как моральные. Можно согласиться с мнением

³ Подробнее об эпистемических критериях рациональности см. *Шрамко Я. В.* Знания и убеждения: их развитие и критический пересмотр // *Философия науки.* 2005. № 1 (24). С. 3–19.

некоторых исследователей⁴, которые утверждают, что моральность той или иной установки определяется ее «беспристрастностью» по отношению к действиям конкурирующих между собой индивидов. Именно беспристрастность будет отличать моральный поступок от такого, который является чисто эгоистичным, и именно она в данном случае должна быть обоснована в качестве логического заключения, выведенного из неморальных предпосылок чистой рациональности. Подобная концепция близка кантовскому идеалу чистого разума, когда «Я» свободно лишь в том случае, если ему удастся отстраниться от собственных интересов и существующей действительности и судить о них согласно диктату разума.

Так как мы фокусируем наше внимание на обществе и взаимодействии его членов, речь пойдет об обосновании некоторых всеобщих принципов, которые могли бы быть охарактеризованы как справедливые регуляторы социальных взаимоотношений, а рационально обоснованная система таких принципов и должна служить основой для воплощения социальной справедливости. Но прежде чем пытаться дать сколько-нибудь обоснованное определение таких принципов, персоналистская установка аналитической политической философии⁵ требует от нас немного поразмыслить над тем, или в данном случае над теми, для кого эти принципы должны быть выведены.

Если мы не разделяем платоновского убеждения, что справедливость существует как некая вечная и неизменная идея, а считаем, что она проявляется главным образом в поступках людей, то приступая к сооружению системы социальной справедливости, вполне логично сначала будет попытаться составить некоторое представление о самих этих людях, т. е. о том, как надлежит характеризовать человеческих индивидов, желающих построить справедливое общество. Иными словами, мы полагаем, что любая концепция справедливости в духе аналитической традиции должна начинаться, в прямом и переносном смысле, с некоторой концепции личности как субъекта общественных отношений.

По нашему мнению, в самом общем виде можно представить себе такую личность как свободного человеческого индивида, который является рациональным и рассматривается в качестве равного по отношению к другим человеческим индивидам. Равного не в силу каких-либо одинаковых физических или умственных способностей, но в силу рав-

⁴ Goodin R. E. Equal Rationality and Initial Endowments // Rationality, Justice and the Social Contract. Themes from 'Morals by Agreement' / D. Gauthier and R. Sugden (Eds.). — The University of Michigan Press, 1993. P. 118.

⁵ «Персонализм» в данном случае понимается как одна из установок аналитической политической философии и истолковывается как предположение о том, что положительные или отрицательные стороны каких-либо институтов заключаются в положительном или отрицательном влиянии, производимым ими на людей. Подробнее см.: Pettit Ph. The Contribution of Analytical Philosophy // A Companion to Contemporary Political Philosophy / R. E. Goodin, Ph. Pettit (Eds.). — Cambridge, Mass, 1993. P. 23–30.

ных прав распоряжаться собственной жизнью и руководствоваться собственными соображениями в принятии решений. Логично предположить, что в круг этих соображений входят некоторые человеческие потребности, равно как и человеческие интересы. Содержание данных интересов индивидуально для каждого лица и не требует, на наш взгляд, какого-либо конкретного определения. Очевидно, что их совпадение чаще всего будет случайным обстоятельством и интересы эти по большей мере будут у каждого разными.

Однако вполне в духе присущего аналитическому подходу оценочного солипсизма⁶, логичным кажется и предположение о том, что в круг интересов любого из рациональных индивидов будет обязательно входить возможность реализации им свободы выбора, которая включает принятие независимого решения относительно того, как распорядиться собственной жизнью. Очевидно и то, что продвижение личных интересов имеет целью достижение некоторого индивидуального блага, определяемого для себя каждым индивидом самостоятельно.

Вопрос о необходимости построения системы справедливого социального устройства возникает тогда, когда изображаемые таким образом индивиды характеризуются как члены общества, в условиях которого они живут и взаимодействуют, стараясь удовлетворить собственные интересы, реализуя при этом свое личное представление о благе. Вполне в духе аналитической традиции мы можем согласиться с тем, что справедливое общество должно, не навязывая каких-либо конкретных понятий о том, к чему следует стремиться, и не отдавая предпочтение какому-либо одному пути самореализации по сравнению с другими существующими путями в равной мере обеспечить всем его членам достижение собственных целей и удовлетворение личных интересов, при этом регулируя их взаимоотношения согласно некоторым общим принципам, которые было бы рационально принять в качестве справедливых.

2. Либеральная попытка рационального обоснования принципов справедливости

Подобная схема построения концепции социальной справедливости была с большей или меньшей долей успеха реализована в аналитической политической философии второй половины XX в. в целом ряде работ, среди которых особо выделяется труд Джона Ролза «*Теория справедливости*» (1971). Кроме Ролза следует упомянуть таких выдающихся представителей аналитической политической мысли, как Роберт

⁶ «Оценочный солипсизм» представляет собой другую важную установку аналитической политической философии, сводящуюся к утверждению о том, что любое свойство, которое может служить конечной политической ценностью, должно быть реализуемо социально изолированным лицом, т. е. отдельным индивидом. Подробнее см.: Там же.

Нозик, Рональд Дворкин и Дэвид Готье, считающихся авторами либеральных теорий социальной справедливости, общей чертой которых выступает использование идеи общественного договора как основного средства теоретического анализа.

Упомянутые теории социальной справедливости, также характеризующиеся как современные теории общественного договора, объединяют в себе одновременно элементы моральной философии, политической и экономической теорий. Круг проблем, обсуждаемых в современных теориях справедливости, составляют вопросы определения моральных обязательств индивидов по отношению друг к другу, легитимации политической власти и сущности ее взаимоотношений с гражданским обществом, а также выработка адекватной схемы справедливого материального распределения. Характер применяемого современными теориями справедливости поискового метода предусматривает постулирование специфической исходной ситуации, изображающей рациональных индивидов, которые взаимно согласовывают условия своего сотрудничества с целью реализации собственных интересов. Таким образом, либеральные теории справедливости выстраивают некоторую идеализированную конструкцию, которая, опираясь на теорию рационального выбора, оказывается в достаточной степени пригодной для решения поставленных философских проблем.

Ключевым признаком современных теорий социальной справедливости является гипотетичность возводимой идеализированной конструкции. Поскольку обоснование непосредственной связи выдвигаемых либеральных принципов со справедливостью не представляется необходимым компонентом этих теорий и поскольку справедливость не получает в них необходимого независимого обоснования (хотя Ролз и утверждает, что «справедливость является первейшей добродетелью общественных институций»⁷), мы полагаем, что гипотеза Ролза, также как и гипотезы других авторов либеральных теорий, представляет собой не более чем часть своего рода мысленного эксперимента, осуществляемого с вполне конкретной целью — обеспечения условий совпадения суждений самых различных людей о справедливости. Таким образом, можно сказать, что этот подход вполне соответствует кантовскому представлению о природе общественного договора, который изображает этот договор в виде некоторого мысленного построения, хотя и имеющего практическое и моральное значение. Согласно Канту, идея общественного договора выступает скорее в качестве априорного механизма регулирования мотивов человеческого поведения, нежели выводится как результат наблюдения действительности.

Созвучным кантовскому, на наш взгляд, является и либеральное представление о личности и ее соотношении с обществом: соглас-

⁷ Ролз Дж. Теорія справедливості / Пер. з англ. О. Мокровольського. — К.: Основи, 2001. С. 26.

но либеральному взгляду на личность, индивиды имеют полную свободу оспаривать свое участие в существующих общественных практиках и даже воздерживаться от участия в них, если эти практики более не кажутся им достаточно привлекательными. В то же время именно Кант выступал наиболее активным защитником того представления о личности, которое ставит ее выше любых осуществляемых ею социально детерминированных ролей и отношений. Иными словами, современные аналитические теории социальной справедливости сосредотачивают внимание на отдельном индивиде, чьими интересами нельзя пренебречь ради блага какой-либо другой группы индивидов, или даже всего общества в целом. Подобный подход представляет собой источник основных политических прав, которые должно уважать и гарантировать справедливое общество. Либеральный постулат о том, что такое общество должно быть в равной мере оправдано для каждого из его членов, свидетельствует о приоритете индивида перед социумом и его институтами.

Именно из такого определения личности как субъекта общественных отношений вытекает принятая в либеральных теориях характеристика конкурирующих индивидов как рациональных. Основу практической рациональности, приписываемой индивидам в своих теориях Ролзом и другими авторами современных теорий справедливости, составляет используемая в экономике теория рационального выбора, предметом рассмотрения которой являются такие ситуации, когда необходимо определить наилучший способ действий для достижения поставленной цели в условиях ограниченности материальных ресурсов.

Отметим, что прескриптивное направление современной теории рационального выбора, избегающее каких-либо этических суждений и оценок и активно использующееся в теории игр, не только снабжает либеральные теории справедливости определенным понятием рационального индивида, но и обуславливает характер возводимой в них аргументации. Сообразно с требованиями теории игр, Ролз строит собственную игровую модель, по схеме которой целью игроков, т. е. конкурирующих индивидов, является достижение единодушного согласия путем заключения упомянутого общественного договора (принцип консенсуса) относительно ряда принципов, в соответствии с которыми будет производиться оценка общественных институтов, в условиях которых происходит взаимодействие игроков. Каждый из игроков абсолютно свободен и имеет равное право предлагать любые принципы, исходя из своих собственных интересов, помня при этом, что все единодушно принятые принципы в одинаковой степени касаются всех и распространяют свое действие на будущее. Именно то условие, что предложенные принципы должны распространяться на будущее, конкретные обстоятельства которого неизвестны никому из игроков, гарантируют честность этих принципов, а значит, по определению Ролза, их справедливость. Систе-

му социальной справедливости в концепции Ролза составляют его знаменитые «принцип свободы» и «принцип дифференциации»⁸.

По мнению авторов либеральных теорий справедливости, побудительным мотивом для заключения общественного договора и принятия принципов справедливости служит стремление индивидов достичь желаемого социального статуса, который определяется, во-первых, положением человека как гражданина общества и, во-вторых, его местом в распределении материальных ресурсов этого общества. Формулируя таким образом те самые личные интересы индивидов, Ролз, в частности, утверждает, что именно они, а не какие-либо отвлеченные этические размышления, должны подвигнуть этих индивидов к принятию принципа свободы, обеспечивающего равное распределение политических прав, и принципа дифференциации, позволяющего неравное распределение материальных благ, при условии, что оно осуществляется прежде всего в пользу наименее обеспеченного члена общества.

Очевидно, что основанием ролзового принципа свободы, который является приоритетным по отношению ко второму принципу, служит либеральная ценность самоопределения, которую, на наш взгляд, вполне можно представить как интерпретацию ранее обсуждаемой свободы выбора. Признавая за индивидами право на самоопределение, мы автоматически признаем за ними право иметь и реализовывать собственные концепции блага. Это значит, что индивиды не только не обязаны следовать какой-либо конкретной концепции блага, отстаиваемой другими индивидами, обществом или государством, но в любой момент могут пересмотреть и изменить ранее избранные ими концепции блага на основании каких-либо собственных соображений. Таким образом, можно прийти к выводу, что в либеральных теориях справедливости индивиды признаются способными как бы отстраниться от существующих концепций блага и самостоятельно исследовать и оценивать преследуемые ими цели.

Тот факт, что либеральные теории социальной справедливости не вытекают автоматически из какой-либо конкретной концепции «хорошей жизни», позволяет обойти необходимость принятия того или иного представления об общественном благе или благополучном обществе. Изображая общество исключительно как систему сотрудничества, либеральные теории избегают решения вопроса о том, что составляет его благо в абсолютном смысле. Ведь даже если индивиды не смогут прийти к согласию относительно общих целей, они всегда будут способны на сотрудничество ради взаимной выгоды. Итак, общество приобретает вид обыкновенного механизма, сообща используемого индивидами для достижения различных целей. К тому же, условия этого сотрудничества вполне возможно определить и без сравнения этих конкретных целей, достижение которых будет составлять благо каждого индивида.

⁸ Ролз Дж. Теорія справедливості / Пер. з англ. О. Мокровольського. — К.: Основи, 2001. С. 414–415.

Таким образом, признание приоритета личности по отношению к общественным институтам, составляющее отличительную черту либеральных теорий справедливости, определяет содержание принципов социальной справедливости как таких, которые неизбежно предполагают ограничение требований общества по отношению к индивиду, а также требований индивидов по отношению друг к другу. Этот так называемый принцип взаимности⁹ предусматривает равное право для каждого члена общества рассчитывать на соответствующий взнос со стороны другого в дело, осуществляемое ради обоюдной выгоды. В то же время принцип взаимности запрещает такие случаи, когда выгода большинства достигается за счет причинения вреда кому-либо из членов общества. Подобные случаи причинения вреда могут быть оправданы, только если потерпевшими оказываются все члены общества без исключения и когда это составляет единственное условие достижения еще большей выгоды для всех.

3. Является ли либеральная справедливость действительно справедливой?

На первый взгляд, в рамках либеральных теорий социальной справедливости удалось выработать приемлемую концепцию справедливого общественного устройства, не только во многом совпадающую с нашими интуитивными представлениями о справедливости и получившую довольно убедительное рациональное обоснование, но и производящую впечатление в определенной мере осуществимой или, по крайней мере, такой, которую желательно было бы осуществить, концепции построения справедливого «общества равных возможностей».

Однако, немного основательнее поразмыслив над базисными установками либеральных теорий, мы сталкиваемся с двумя основными возражениями, выдвигаемыми против них. Одно из этих возражений ставит под сомнение саму справедливость изображаемого таким образом общества и выдвигаемых либералами принципов. Даже не принимая во внимание сомнений относительно действительной правдоподобности развиваемой в либеральных теориях аргументации в пользу предложенной системы социальной справедливости¹⁰, можно утверждать, что некото-

⁹ Выделение принципа взаимности как одной из ключевых особенностей современных теорий социальной справедливости аналитического направления принадлежит Роберту Сагдену. Подробнее см.: *Sugden R. The Contractarian Enterprise. // Rationality, Justice and the Social Contract. Themes from 'Morals by Agreement' / D. Gauthier and R. Sugden (Eds.). – The University of Michigan Press, 1993. P. 5.*

¹⁰ Анализ возводимой авторами либеральных теорий рациональной аргументации в пользу отстаиваемых ими принципов социальной справедливости настолько обширен, что вполне может стать предметом исследования отдельной статьи. Подробнее об этом см.: в частности, *Binmore K. Bargaining and Morality / Rationality, Justice and the Social Contract. Themes from 'Morals by Agreement'. / D. Gauthier and R. Sugden (Eds.). – The University of Michigan Press, 1993. P. 131–156; Goodin R. E.*

рые из ключевых положений самой этой системы являются, по крайней мере, спорными. Другое возражение оспаривает универсальность применения разрабатываемых в этих теориях принципов справедливости.

Проанализируем хотя бы либеральное представление о личности как о субъекте общественных отношений, отчасти опирающееся на вышеупомянутый принцип взаимности. Как было сказано выше, либеральный принцип взаимности предусматривает взаимное ограничение требований индивидов друг к другу, что предполагает обязательное соблюдение условий заключенных индивидами договоров ради достижения обоюдной выгоды. Таким образом, договаривающиеся стороны получают возможность продвижения собственных интересов, создавая при этом конкурентный рынок. Тем не менее, на наш взгляд, не может остаться незамеченным тот факт, что подобный принцип взаимности распространяет свое действие исключительно на тех, кто оказывается в состоянии хоть что-то предложить для заключения взаимовыгодных соглашений (будь-то собственные способности или имеющиеся в распоряжении индивида материальные ресурсы). Иными словами, под действие принципа взаимности попадают только те индивиды, которые в глазах других индивидов представляются, так сказать, «экономически привлекательными» членами общества, ведь даже само название упомянутого принципа подразумевает наличие более чем одной стороны. Возникает вполне закономерный вопрос о месте в данной системе социальной справедливости тех членов общества, которые не могут предложить ни необходимых талантов (либо вообще лишены каких бы то ни было талантов или являются физически неполноценными), ни достаточных материальных ресурсов для заключения взаимовыгодных договоров. Создается впечатление, что экономическая система либерализма оставляет таких индивидов, так сказать, вне поля зрения, или, по словам Готье: «Животные, неродившиеся, неполноценные от рождения и умственно отсталые люди оказываются за границами морали, связанной с рациональностью»¹¹. Кроме того, предусматривая возможность причинения вреда ради обоюдного достижения выгоды, принцип взаимности очевидным образом сталкивается с проблемой измерения такого вреда и соответствующей выгоды.

В отличие от Готье, Ролз предпринял попытку обойти указанные трудности, связанные с функционированием рыночной экономики, предположив, что социальные и природные преимущества, полученные человеком при рождении, являются произвольными. Это привело его к рассмотрению природных способностей индивидов как общего достояния, принадлежащего всем членам общества одновременно. Таким образом,

Equal Rationality and Initial Endowments // Rationality, Justice and the Social Contract. Themes from 'Morals by Agreement' // D. Gauthier and R. Sugden (Eds.). — The University of Michigan Press, 1993. P. 116–130.

¹¹ Gauthier D. *Morals by Agreement*. — Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 268.

в соответствии с его принципом дифференциации, более талантливые должны будут работать не только ради собственной выгоды, но и, прежде всего, ради выгоды тех, кто находится в наихудшем материальном положении. Часть прибыли, полученной более талантливыми, будет распределяться среди менее успешных членов общества.

Казалось бы, такая установка вполне соответствует нашим понятиям о справедливом обществе. Ведь действительно, одаренность талантами, равно как и физическая неполноценность, являются делом случая и не должны составлять единственную основу нашего материального благополучия. По нашему мнению, можно сказать, что экономическая схема, предложенная Ролзом и воплощенная в его втором принципе, нацелена на исправление природных недостатков людей в условиях социального существования. И, возможно, она действительно исправляет их, но главный вопрос заключается в том, действует ли эта схема справедливо?

На наш взгляд, из сформулированного Ролзом предположения о том, что социальные и природные преимущества являются произвольными, можно сделать и другой вывод: только в том случае, когда экономическое неравенство связано с использованием именно этих преимуществ, оно должно влиять на распределение материальных ресурсов общества в пользу наименее обеспеченного лица. Представим себе ситуацию, когда человек родился в обычной семье, не имеющей каких-либо социальных привилегий, и не наделен от рождения какими-либо выдающимися способностями, но благодаря собственному выбору и приложенным усилиям ему удалось получить несколько большую материальную прибыль по сравнению с другими. В соответствии со своим принципом дифференциации, Ролз потребовал бы от такого человека передать часть своей прибыли для улучшения материального положения других членов общества, не объясняя при этом, почему этот принцип действует во всех случаях неравного экономического положения, а не ограничивается исключительно теми ситуациями экономического неравенства, которые связаны с упомянутыми произвольными факторами.

Очевидно, Ролз не придает значения тому, что положение человека в обществе обусловлено не только лишь социальными и природными обстоятельствами, но в равной мере зависит и от собственного решения воспользоваться этими обстоятельствами. Поэтому обладание от природы исключительными способностями не обеспечивает автоматически исключительного материального положения в обществе. Как уместно отмечает Уил Кимлика: «Когда неравенство прибылей является результатом выбора, принцип дифференциации скорее порождает несправедливость, чем устраняет ее»¹².

Также сомнительным, по нашему мнению, выглядит и обоснование либеральной ценности самоопределения, утверждающей право инди-

¹² *Kymlicka W. Contemporary Political Philosophy. — Oxford: Oxford Clarendon Press, 1995. P. 75.*

видов вести свою жизнь в соответствии с теми понятиями, которые, по их мнению, составляют их индивидуальное благо. Согласно либеральным теориям справедливости, индивиды в праве самостоятельно избирать свои концепции блага, и в подлинно справедливом обществе государство не должно поддерживать те или иные перфекционистские идеалы. Однако, как можно заметить, подчас существует огромная разница между мнением того или иного индивида о благе, и тем, что в тех или иных обстоятельствах действительно является благом. В обществах с нестабильной (или с несформированной) системой ценностей значительна вероятность того, что концепции блага, которые изберут для реализации большинство их членов, могут оказаться далекими от того, что обычно принято считать общественным благом. В обществах, находящихся на переходных этапах своего становления, характеризующихся недостатком положительных установок, прочно встроенных в общественное сознание, нет никакой гарантии того, что члены общества всегда совершат, так сказать, правильный выбор. Разве в таком случае не было бы рационально допустить необходимость существования так называемой «заботливой руки», которая в виде некоторого государственного института задавала бы определенный положительный вектор стремлениям индивидов?

Либералы предполагают решить указанную проблему, гарантируя всем членам общества равную свободу слова, позволяющую любой группе индивидов продвигать и рекламировать свой образ жизни. Таким образом они надеются, что недостойному образу жизни просто не удастся найти последователей и он рано или поздно будет вытеснен из создаваемого в либеральном обществе рынка идей. Тогда вполне рациональным кажется и предположение о необходимости наличия в таком обществе определенного уровня культуры, который позволил бы развиваться и укорениться положительным концепциям блага, дабы быть осознанно избранными большинством членов общества. Ибо логично допустить, что этот выбор будет осуществляться исходя не из всех возможных, а лишь из существующих в обществе представлений о благе, к тому же являющихся в большей или меньшей степени реализуемых в условиях этого общества. Мы считаем, что введение подобной ограничительной характеристики в либеральные теории ведет к отказу от притязаний на универсальность предлагаемой в них системы социальной справедливости, а это противоречит их первоначальной цели.

4. «Несамодостаточность» личности и необходимость новой концепции рациональности

Можно показать, что причины уязвимости либеральных теорий справедливости кроются в двух посылах, принимаемых их авторами в качестве исходных. Первая заключается в экономическом понимании рациональности, которая представляет собой инструментальную концепцию, применяемую в теории рациональности аналогичную той,

которая используется в теории игр. Вторая состоит в атомистическом убеждении, что какие-либо суждения о благе только тогда являются независимыми, когда выносятся изолированными индивидами, защищенными от социального давления.

Как отмечалось выше, инструментальная концепция рациональности, избранная в качестве рационального основания в современных либеральных теориях и служащая для их авторов источником построения универсальной системы социальной справедливости, основывается на теории рационального выбора. Упомянутая теория опирается на сформировавшееся в конце XIX в. понимание рациональности, которое происходит из утилитаристской теории и концепции «невидимой руки», разработанной Адамом Смитом столетием раньше. Позднее развилась индивидуалистическая версия теории рационального выбора. В результате сложилась так называемая неоклассическая школа теории рационального выбора, основным тезисом которой была мысль о том, что либеральные принципы функционирования политики и экономики обеспечивают выигрыш всем членам общества. Существенной особенностью неоклассического подхода в понимании рациональности стало отмежевание всех экономических процессов общества от морального измерения как раз потому, что теории рационального выбора концентрируются на материальных ценностях, а не на индивидах, выступающих субъектами общества. В середине XX в. теория рационального выбора получает расширенную интерпретацию как теория рационального поведения, в связи с чем преодолевает дисциплинарные границы экономики и начинает применяться в социальных, политических и философских науках¹³.

Использованная в работах Ролза и других философов теория рационального выбора, на первый взгляд, предлагает решение проблемы рационального обоснования моральных принципов, выдвинутой еще Кантом, но так и остававшейся неразрешенной до середины XX в. По нашему мнению, Ролз стремится — в традициях аналитического подхода — представить свою идею в виде схемы логического следования наподобие: «если находящиеся в условиях „естественного состояния“ индивиды *рациональны*, то они неизбежно согласятся принять определенные *принципы*, регулирующие отношения между ними в создаваемом ими обществе; если же упомянутые принципы будут *единодушно* приняты в результате добровольно заключенного общественного договора, то они должны быть признаны *справедливыми*», таким образом формулируя своего рода теорему, успешное доказательство которой означало бы окончательное разрешение обсуждаемой проблемы. Однако, на наш взгляд, построение такого доказательства представляется невозможным, прежде всего именно потому, что в качестве концеп-

¹³ Подробнее о теории рационального выбора см.: Шверт Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор [Электронный ресурс] // Социологический журнал. 1995. № 2. Режим доступа к журн.: <http://sj.obliq.ru/article/149>.

ции рациональности в данном случае избрана концепция, опирающаяся на теорию рационального выбора.

На примере критики либерального принципа взаимности мы имели возможность убедиться, что значительную роль в распределении материальных ресурсов между членами общества играет не только (и не столько) обладание ими какими-либо природными способностями, но самостоятельно принятое ими решение воспользоваться этими способностями. Очевидно, это выводит нас за пределы экономической рациональности, концентрирующейся только на распределении материальных ресурсов и полностью игнорирующей сами особенности индивидов, являющихся необходимым условием возникновения этих ресурсов. Несоответствие требованию универсального применения предлагаемой системы справедливости демонстрирует и теория игр, способная предоставить решение лишь для конкретной, наполненной содержанием ситуации (игры), причем справедливость этого решения вообще выносится за скобки.

Таким образом, не оспаривая саму идею Ролза, которая по праву может быть названа уникальной, в свете вышеизложенных критических замечаний мы делаем вывод о том, что выбранная им концепция рациональности не подходит для решения проблемы рационального обоснования моральных принципов.

Что касается второй причины уязвимости современных теорий справедливости, то следует отметить, что атомистическая трактовка индивидов обусловлена главным образом идеей о том, что легитимный политический и общественный порядок есть продукт некоторого молчаливого соглашения между дообщественными индивидами, присущей развившимся еще в XVII–XVIII вв. теориям общественного договора и составляющей основу указанной выше установки аналитической политической философии на персонализм и солипсизм.

Пример персонализма в той универсалистской форме, какую он приобретает в либеральных теориях, мы можем наблюдать, в частности, в истолковании Ролзом общества как более или менее самодостаточной ассоциации равных индивидов, признающих существование определенных правил в их взаимоотношениях и действующих в соответствии с ними с целью продвижения собственных интересов. Солипсизм проявляется в либеральной ценности самоопределения, утверждающего право каждого индивида самостоятельно формулировать и реализовывать свое представление о благе.

Атомистическое основание либеральных теорий часто вызывает критику со стороны последователей коммунитаризма, заявляющих, что, опираясь на такую «крайне поверхностную» моральную и психологическую установку, философы-либералы представляют индивидов как таких, которые не нуждаются в каком-либо общественном контексте для развития и реализации своих способностей, в частности, способности самоопределения. По мнению же коммунитаристов, эта последняя

способность может быть реализована только в условиях определенного типа общества с определенным типом социальной среды, обеспечиваемой политикой общего блага.

Однако, оставив коммуитаристские рассуждения об общественном благе и о том, каким оно должно было бы быть, нам бы хотелось обратить внимание на другую сторону либерального постулата о самоопределении. Очевидно, что в основе этого постулата лежит либеральное представление о человеке как абсолютно самодостаточной личности даже за пределами общества. Отсюда вытекает и либеральный тезис о способности такой личности отстраниться от существующих социальных практик и возможности оспаривать свое участие в них, если приносимая ими прибыль представляется недостаточной. Такое предположение в свою очередь ведет к пониманию существования этих практик как в значительной мере зависимых от воли самой личности. Тем не менее, принимая во внимание рассуждения Готье, который в отличие от Ролза не считает природные способности индивидов предметом совместного обладания, но закрепляет их за каждым членом общества на правах «само-владения» и указывает на зависимость их реализации от той или иной конкретной экономической ситуации, можно прийти к выводам противоположным основным либеральным установкам.

Хотя можно согласиться с тем, что существование общественных практик требует от индивидов общего, если не универсального, соблюдения условий заключаемых договоров, на наш взгляд, очевидно и то, что в большой экономической системе (такой как конкурентный рынок) согласие кого-либо из индивидов самих по себе или какой-либо незначительной группы индивидов не является необходимым условием существования системы в целом. Таким образом, ни один индивид не имеет самодостаточной «торговой» силы (т. е. способностей и материальных ресурсов), а следовательно, и не располагает возможностью предлагать свое подчинение системе, как бы торгуясь с ней, в обмен на ту или иную часть в распределении ее материальных ресурсов. Когда прибыли, производимые такой системой, оказываются достаточно высокими, индивиды, не принимающие участия в их распределении, борются за право (без каких-либо предварительных условий) попасть в сферу действия этой системы и соглашаются на все ее требования. Иными словами, они вовсе не торгуются с системой, как бы рассчитывая получить большую часть этих прибылей, в обмен на согласие подчиниться и предоставить в распоряжение системы свои личные ресурсы. В таком случае существование подобных общественных практик более не зависит от воли индивидов и не составляет продукт их скооперированных действий, но вместо этого данные практики приобретают вполне объективное самодовлеющее существование, требующее от индивидов безусловного подчинения.

Собственно аргумент Готье об определении позитивности кооперации относительно ситуации невзаимодействия индивидов как раз и свидетельствует о том, что реализация «прибыльных» талантов одних инди-

видов становится возможной именно благодаря существованию других, т. е. в условиях общества. Таким образом, можно сделать вывод, что в самих основах либеральных теорий социальной справедливости заложено противоречие с исходным тезисом о самодостаточности личности.

Указывая на объективное существование общественных практик, функционирование которых оказывается независимым от предпочтений и интересов индивидов, упомянутый аргумент предполагает использование совершенно иной концепции рациональности для обоснования принципов справедливости. Можно вполне согласиться с Альбертом Уилом, что при таких условиях единственной концепцией рациональности, способной побудить индивидов к подчинению существующим общественным практикам, окажется не та концепция, которая базируется на практической выгоде для индивидов, получаемой от этого подчинения, а та, которая, наоборот, призывает их желать лишь того, что по рациональному рассуждению может быть желаемо всеми¹⁴.

5. Заключение

Насколько же обоснованно предположение о возможности нахождения рационального источника принципов социальной справедливости? Понимая искомую справедливость как обеспечение каждому члену общества равной возможности реализации наиболее широкой системы политических прав и свобод в условиях существования экономического и социального неравенства, из всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: признание конкурентного рынка в качестве объективно существующей системы организации человеческой жизнедеятельности вряд ли релевантно вопросу о его справедливости. Если экономическое неравенство расценивается не как результат действий отдельных индивидов, как это предусмотрено теорией Ролза, но как влияние безличного объективно существующего рыночного механизма, который функционирует по отношению к индивидам наподобие законов природы, то точно также, как законы природы не расцениваются в политической теории в качестве ограничителей свободы, так и действие рыночного механизма относительно политической свободы не должно признаваться ограничительным. Вопрос о том, может ли это образовать достаточно прочное основание для выработки универсальной системы социальной справедливости, требует детального изучения, но, по нашему мнению, уже сейчас можно сказать, что поиск *рациональных* принципов справедливого общественного устройства обладает несомненной перспективой.

¹⁴ Weale A. Justice, Social Union and the Separateness of Persons // Rationality, Justice and the Social Contract. Themes from 'Morals by Agreement' / D. Gauthier and R. Sugden (Eds.). — The University of Michigan Press, 1993. P. 93.